А. Л. Жебраускас

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ И ПОИСКИ ОРИЕНТИРОВ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Работа представлена кафедрой художественной культуры.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. А. Грякалов

В середине прошлого столетия произошло серьезное изменение в научно-философском сознании, характеризующееся переходом от статической картины мира к его динамическому образу, фундированное как открытиями, связанными с функционированием разного рода неравновесных систем на микроуровне, так и неспособностью классической науки дать ответы на многие вопросы, касающиеся динамики таких макросистем, как культура и социум. Практически во всех областях социогуманитарного знания существенным методологическим принципом становится релятивизм, утверждающий относительность истины и проистекающий из отрицания относительной устойчивости вещей и явлений.

Теоретики, особенно гуманитарии, этим обстоятельством, кажется, довольны: открываются безграничные возможности деконструкции и деструкции культурных смыслов, игры «отстраненными» (В. Шкловский) понятиями и конструирования новых смыслообразов. Но, несмотря на все многообразие возникших за полвека теоретических построений, сейчас невозможно не заметить усталости от релятивистских настроений – своеобразную «тоску» по стабильности. Если привести свободную аналогию, то «человек модернистский» напоминает путника, который в своем стремлении идти вперед презрел даже необходимость смотреть под ноги и обращать внимание на неровности ландшафта. И он забрел так далеко, что со временем обнаружил под собой уже не твердь, но хлябь. «Человек постмодернистский» научился весьма ловко плавать среди этих хаотических волн, но сейчас и это уже порядком надоело.

Настала пора осмотреть горизонт в поисках устойчивых ориентиров для формирования идентичности и новой парадигмы мышления. И здесь с неизбежностью встает вопрос: что может стать ориентиром,

если основные метанарративы Просвещения себя не оправдали, ценности во многом девальвированы, а доверия к общественным институтам, транслирующим идеологемы, фактически не осталось? Возрастающее количество «вызовов» требует адекватных «ответов», заставляя общество трансформироваться гораздо быстрее, нежели способен адаптироваться субъект культуры.

Гуссерль в свое время подчеркнул, что «отсутствовал и до сих пор отсутствует подлинный очевидный самоотчет активно-познающего субъекта не только о том, что он сделал нового, о том, чем он занимается, но и о всех импликациях смысла, скрытых процессами окаменения прежних традиций и возникновения новых традиций; он [субъект] не дает себе отчета в устойчивых предпосылках своих конструкций, понятий, принципов, теорий»[1]. Речь, таким образом, идет именно о прояснении оснований культурной реальности через раскрытие существенных, но непроявленных структур. И с неизбежностью возникает вопрос: какого рода эти структуры, что отвечают за сохранение основных черт культуры даже тогда, когда она, по образному выражению П. Флоренского, «висит над пропастью»? Чем обоснована эта способность культуры к гомеостатическому возобновлению базовых характеристик и отторжению «чужеродных» даже по прошествии длительных периодов культурной экспансии?

Мы подходим к выводу, что имманентно в культуре присутствует своего рода каркас, отвечающий за ее структурную целостность, комплекс постоянных в ряду переменных, которые мы и предлагаем называть «константами культуры». Данный термин упоминается в работах многих исследователей (например, А. В. Михайлова, С. В. Лурье, Э. Бенвениста, Э. Жильсона), но первый опыт обстоятельного осмысления понятия «культурной константы» был сделан Ю. С. Степановым в широко известной работе: «Константы. Словарь русской культуры» (М., 1997). Под константами культуры здесь понимаются концепты, существующие постоянно или достаточно долгое время. Понятие концепта достаточно проработано как в философской, так и в культурологической литературе (Ж. Делез, Ф. Гваттари, С. С. Неретина, Д. С. Лихачев, М. Ю. Лотман, С. Г. Воркачев, И. А. Стернин, Д. О. Добровольский, В. А. Маслова, А. Вежбицкая и др.), но, поскольку оно берется как отправное, имеет смысл напомнить определение: «Концепт – это “пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово” это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не “творец духовных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»[2]. И далее: «В отличие от понятий в собственном смысле термина концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека»[3]. Сам принцип группировки статей в работе Ю. С. Степанова напоминает о том, что концепты в культуре не существуют в «чистом виде», они неизбежно взаимодействуют. Они существуют своеобразными «кластерами», группируясь около «базовых» или ключевых констант. Константы не существуют без «свиты» концептов, являясь перекрестьем их смыслов и отношений.

Само слово «константа» мы употребляем в своем *качественном* значении – «самое значимое», «системообразующее», а не в *буквальном* – «непреходящее», «неизменное». Темпоральная устойчивость здесь играет не самую главную роль, так как многие явления культуры, коренящиеся, например, в повседневности, имеют весьма долгую жизнь, но совершенно не влияют на свойства и функционирование макрокультурной системы в целом.

Говоря о константах культуры, мы также подчеркиваем косвенную зависимость

констант от единственного субъекта и творца культуры – человека. Культурные константы не субстанциальны, то есть касаются не самих по себе объектов мироздания, а операциональны! Они относятся к образу действия человека по отношению к объектам мироздания, так как мир устроен не как некая заданная натуральная внешняя реальность, а как действительность культурного развития субъекта, который находится внутри нее. Константы одновременно и провоцируют нашу активность в мире, и направляет ее, и предопределяют наше восприятие мира, но, как правило, не осознаются человеком. Они лишь инструмент рационализации опыта. Та картина мира, которая выстраивается в сознании людей на их основе, может быть подвергнута критике, но сами культурные константы никогда не становятся для человека предметом суждений просто потому, что он их не видит. Комплекс культурных констант – это та «призма», сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать; основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия.

Каждая культурная эпоха уникальна именно потому, что образует свой неповторимый «узор» не только на уровне событий и артефактов, но и в комбинировании и конституировании ряда базовых концептов. Это чем-то напоминает механизм образования снежинок: есть универсальные законы кристаллизации молекул воды; есть ряд вводных: температурный режим, атмосферное давление и влажность, наличие химических примесей в самой воде и в воздухе и ряд других; но в результате – среди всего многообразия получившихся кристаллов невозможно найти два одинаковых.

Культурные константы не содержат в себе ни представления о направленности действия, ни его моральной оценки. Каждая социокультурная система в какой-то мере адаптирует более широкую культурную традицию, но сами по себе культурные константы нейтральны по отношению к той или иной ценностной ориентации. Наличие у различных членов социокультурной системы и их социально-функциональных групп различных ценностных ориентаций неизбежно ведет к тому, что социокультурная система не имеет единой картины мира, а комплекс взаимосвязанных (имеющих один и тот же «каркас» — систему культурных констант) интенциональных миров. То есть на базе одних и тех же культурных констант формируется целый комплекс картин мира, в каждой из которых эти культурные темы интерпретируются различным образом.

В ходе эволюции исторически развивающихся систем всегда формируются новые уровни организации элементов. Причем «возникновение каждого нового уровня перестраивает всю систему. Он воздействует на ранее сложившиеся уровни, меняет композицию их элементов и их функциональные характеристики, благодаря чему система, усложняя свою организацию, остается органическим целым»[4].

Итак, подведем некоторые итоги. Культурные константы можно рассматривать как доминирующие культурные темы, своего рода субстрат практик определенного типа культуры, необходимых для поддержания динамического равновесия, но помимо этого, они также обеспечивают целостность всей системы. У нас не возникает потребности наделять культурные константы каким-то особым субстанциальным бытием или статусом. Они именно операциональны, и их изучение должно носить прикладной характер, позволяя обратиться к ряду исследовательских задач. Таких задач, решение которых немыслимо без использования новой методологии гуманитарного знания, базирующейся на рассмотрении культуры как открытой саморазвивающейся системы.

Нет устойчивого, неизменного комплекса констант культуры – могут появляться как новые, так и видоизменяться уже существующие. На базе одних и тех же культурных констант формируется целый комплекс

картин мира, в каждой из которых они интерпретируются различным образом. На основании этого в культуре определенного типа (или на определенном историческом этапе) можно выделить «основные» константы, отражающие сущностные основы данной культуры и общества. Рассмотрение именно доминантных констант является одной из важнейших задач культурологии, потому что без углубления в это «культурное бессознательное» невозможно ни осознать причины, ни прогнозировать последствия очевидно происходящих в современной культуре изменений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Вопросы философии. 1992. № 7. С. 167.

[2] *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 40.

[3] Там же. С. 41.

[4] *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 47.